

I.

Л И Ц И Н І Ю.

Лициній, зришь ли ты: на быстрой колеснице,
Вѣнчанный лаврами, въ блестящей багрянице,
Спѣсиво развались, Вешулій молодой
Въ толпу народную лепить по мостовой?
Смопри, какъ всѣ предъ нимъ смиренno спину клоняшь;
Смопри, какъ ликторы народъ несчастный гоняшь!
Льстецовъ, сенаторовъ, прелестницъ длинный рядъ
Умильно вслѣдъ за нимъ спремишь усердный взглядъ;
Ждупъ, ловяшь съ препетомъ улыбки, глазъдвиженья,
Какъ будто дивнаго боговъ благословеня;
И дѣши малыя и спарцы въ сѣдинахъ,
Всѣ ницъ предъ идоломъ безмолвно пали пъ прахъ:

Для нихъ и слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнной,
Ешь нѣкій памятникъ почепный и священной.

О Ромуловъ народъ, скажи, давно ль ты палъ?
Кто васъ порабошилъ и властью оковалъ?

Квирины гордые подъ иго преклонились.
Кому жъ, о небеса, кому порабошились?

(Скажу ль?) Вешулю! Отчизны спыдъ моей,
Развратный юноша возсѣль въ совѣтъ мужей;
Любимецъ деспота сенатомъ слабымъ правилъ,
На Римъ просперъ яремъ, отечество безславиша;
Вешулій Римлянъ царь!... О спыдъ, о времена!
Или вселенная на гибель предана?

Но кто подъ портикомъ, съ поникшею главою,
Въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною клюкою,
Сквозь шумную толпу нахмуренный идетъ?
Куда ты нашъ мудрецъ, другъ истины, Дамешъ!
Куда: не знаю самъ; давно молчу и вижу;
Навѣкъ оставлю Римъ: я рабство ненавижу.

Лициній, добрый другъ! Не лучше ли и намъ,
Смиренно поклонясь форпунѣ и мечтамъ,

Съдаго циника примѣромъ научишься?
 Съ разврашнимъ городомъ не лучше ль намъ проспишься,
 Гдѣ все продажное: законы, правоспа,
 И консулъ и трибуунъ, и чеспь и красоспа?
 Пускай Глициерія, красавица младая,
 Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,
 Неопытность другихъ въ наемну ловиши сѣть!
 Намъ спыдно слабости съ морщинами имѣти;
 Тщеславной юности оспавимъ блескъ веселій:
 Пускай безспыдный Клиппъ, слуга вельможъ, Корнелій
 Торгуюши подлостью и съ дерзостнымъ чесомъ
 Опъ знапныхъ къ богачамъ ползушъ изъ дома въ домъ!
 Я сердцемъ Римлянинъ; кипишъ въ груди свобода;
 Во мнѣ не дремлешъ духъ великаго народа.
 Лициній, поспѣшимъ далеко опъ забопъ,
 Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красоспъ!
 Зависпливой судьбы въ душѣ презрѣвъ удары,
 Въ деревню пренесемъ отеческие лары!
 Въ прохладѣ древнихъ рощъ, на берегу морскомъ,
 Найши непрудно намъ укромный, свѣплый домъ,

Гдѣ, больше не спрашась народнаго волненія,
 Подъ спароспѣ ошдохнемъ въ глухи уединенія.
 И шамъ, разположась въ юшномъ уголкѣ,
 При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ комелькѣ,
 Вспомнивъ спарину за дѣдовскимъ фіаломъ,
 Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ,
 Въ саширѣ праведной порокъ изображу
 И нравы сихъ вѣковъ пошомству обнажу.
 О Римъ, о гордый край разврата, злодѣянья!
 Придешъ ужасный день, день миценья, наказанья.
 Предвижу грознаго величія конецъ:
 Падеши, падеши во прахъ вселенныя вѣнецъ.
 Народы юные, сыны свирѣпой брани,
 Съ мечами на тебя подымушъ мощны длани,
 И горы и моря оставяши за собой
 И хлынуши на тебя кипящею рѣкой.
 Исчезнешь Римъ; его покроенъ мракъ глубокой;
 И пушникъ, устремивъ на груды камней око,
 Воскликнешь, въ мрачное раздумье углубленъ:
 «Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погубленъ.»